

V. Эссе

Леонид Люкс

О прогнозировании будущего России: историческая зарисовка

Созданная в России после прихода к власти Владимира Путина система «управляемой демократии» существует уже вдвое дольше чем возникшая в августе 1991 г. «вторая русская демократия». Многим наблюдателям и на Западе, и на Востоке путинская «властная вертикаль», несмотря на западные санкции и начавшийся в 2014 году экономический спад, кажется весьма стабильной. Популярность Путина в стране все еще превышает 80%. О такой поддержке большинство западных политиков не может и мечтать.

Но несмотря на этот роскошный «византийский фасад» нельзя забывать, что Россия является страной, в которой уже не раз происходили неожиданные политические повороты и сдвиги. В одном лишь XX веке здесь произошли 4 революции (1905, февраль 1917, октябрь 1917, август 1991). В этом плане ни одна крупная европейская страна не может сравниться с Россией. В XX веке Россия дважды пережила распад государственности и крах доктрины, лежавшей в основе правящего режима. В 1917 г. один за другим развалились как царский, так и новый демократический строй в России. В 1991 году потерпело крах большевистское государство, созданное на руинах царизма и непрочной русской демократии.

Хрупкость самодержавной системы

Путь к событиям 1917 года прокладывался на протяжении жизни нескольких поколений: «Сто лет русское общество грозило монархии революцией», – писал в 1927 году русский писатель Марк Алданов: «Быть может, Николай II и не верил предупреждениям оттого, что их было так много»¹.

Хочу привести лишь одно из таких предупреждений, сформулированное уже в 1811 католическим философом и дипломатом Жозефом де Местром. Будучи радикальным критиком французской революции, де Местр считал, что и в России

¹ Московские новости. 27 сентября 1992. С. 21.

могут произойти не менее катастрофические события, если традиционный русский бунт объединится с восстанием элит, если «пугачевщиной» снизу воспользуется «Пугачев с университетским дипломом»², что и произошло в 1917 году.

Что в этой связи удивляет, это факт, что события 1917 года, в которых Ленин должен был играть ключевую роль, застали этого предвиденного де Местром «Пугачева с университетским дипломом» врасплох. В провозглашенном за несколько недель до Февральской революции в Швейцарии докладе, посвященном годовщине революции 1905 года, Ленин говорил: «Мы, старики, может быть не доживем до решающих битв этой грядущей (пролетарской) революции. Но я могу, думается мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь ... будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции»³. Эта переоценка прочности и европейского, и российского порядка связана была, наверно, с чертой характера Ленина, которую уже подметил его соратник Лев Троцкий. В своей автобиографии Троцкий пишет, что Ленин часто был склонен переоценивать силы своих политических противников.

В отличие от Ленина, многие другие его современники считали распад царской монархии в ближайшем будущем весьма реальной перспективой. К таким аналитикам принадлежал, например, Александр Гельфанд (Парвус) – одна из самых спорных фигур русского и немецкого рабочего движения, – который уже в 1904 году (непосредственно после начала русско-японской войны) – предвидел неминуемый «политический переворот в России».

Противоречивые прогнозы о будущем советской империи

Распад же советской империи, в отличие от царской, обошелся без долгого пролога. СССР без видимого внешнего принуждения распался в один миг. Это произошло в то время, когда в глазах большинства наблюдателей советская империя казалась чрезвычайно прочной, почти неуязвимой. Многие советские диссиденты резко критиковали тогда западную политику разрядки. По их мнению, демократические государства недооценивали советскую опасность. Если эта позиция не изменится, то коммунизм и дальше будет неудержимо расширяться: «Третья Мировая война – уже была – и закончилась поражением Запада», – писал Александр Солженицын в 1975 году: «Еще два-три таких славных десятилетия мирного сосуществования – и понятия "Запад" не останется на Земле»⁴.

Придерживаясь такой позиции, советские диссиденты недооценивали внутреннюю хрупкость советской системы, если не учитывать таких исключений,

² Tschizewskij D., Groh D. Europa und Russland: Texte zum Problem des westeuropäischen und russischen Selbstverständnisses. Darmstadt, 1959. P. 66-67.

³ Ленин В.И. ПСС. М., 1958-1985. Т. 30. С. 328.

⁴ Солженицын А.И. Собрание сочинений. Париж, 1981. Т. 9. С. 204-209.

как, к примеру, Андрей Амальрик или Евгений Барабанов (В. Горский). Но надо сказать, что и подавляющее большинство западных аналитиков того времени тоже считало советскую систему чрезвычайно стабильной и в сущности несокрушимой. Сформулированный в 1969 году тезис Андрея Амальрика, что Советский Союз не просуществует до 1984 года, многие считали несерьезным. Московский корреспондент газеты *Нойе Цюрхер Цайтунг* Райнхард Майер писал в 1981 году: «Я считаю прогноз о распаде Советского Союза в ближайшем будущем необоснованным». Майер пишет, что к такому выводу он пришел после долголетнего пребывания в Москве. Глава книги, в которой швейцарский журналист спорил с Амальриком, была названа: «Советский Союз будет существовать в 2000 году»⁵.

Горбачевская перестройка в первые ее годы не поколебала веры в прочность и даже непобедимость коммунистических режимов. Известный польский публицист, главный редактор католической газеты *Тыгодник Повшехны* Ежи Турович заявил в конце 1987 года: «Мы никогда не скрывали, что нам не нравится "реально существующий социализм". Но мы не стремимся к его свержению, потому что знаем, что это невозможно»⁶. Такая точка зрения была довольно широко представлена в Польше – стране, наиболее оппозиционно настроенной по отношению к коммунизму.

Однако были слышны в послевоенные годы и другие голоса, придерживающиеся совсем иной точки зрения. Одним из таких плывущих против течения аналитиков был эмигрантский историк и публицист Георгий Федотов. Именно в 1947 г., когда Сталин пытался в ранее невиданных размерах упрочить имперские позиции России (за это многие русские националисты простили кремлевскому диктатору как коллективизацию 1930-х годов, так и «Большой террор»), Федотов писал о национальном вопросе в России: «Большевистский режим ненавистен и огромному большинству великороссов. Но общая ненависть не спаивает воедино народов России. Для всех меньшинств отвращение от большевизма сопровождается отталкиванием от России, его породившей. Великоросс не может этого понять. Он мыслит: мы все ответственные, в равной мере, за большевизм, мы пожинаем плоды общих ошибок. Но хотя и верно, что большевистская партия вобрала в себя революционно-разбойничьи элементы всех народов России, но не всех одинаково. Русскими преимущественно были идеологи и создатели партии. Большевизм без труда утвердился в Петербурге и в Москве, Великороссия почти не знала гражданской войны; окраины оказали ему отчаянное сопротивление. Вероятно, было нечто в традициях Великороссии, что питало большевизм в большей мере, чем остальная почва Империи: крепостное право, деревенская община, самодержавие. Украинец или грузин готовы преувеличивать национально-русские черты большевизма и обелять себя от всякого сообщничества. Но их

⁵ Meier R., Meier K. Sowjetrealität in der Ära Breschnew. Stuttgart, 1981. P. 9.

⁶ Trzy ćwiartki wieku: Z Jerzym Turowiczem rozmawia Jacek Żakowski // Powściągliwość i Praca XII. 1987. P. 12.

иллюзии естественны»⁷. В своем анализе Федотов недооценивает интенсивность гражданской войны в великорусских областях (Сибири, Тамбове, Астрахани или же Кронштадте). Что же касается склонности нерусских народов рассматривать большевизм лишь как русское явление, то это наблюдение Федотова вполне соответствует действительности.

В итоге Федотов дает такой прогноз развития России после развала большевистского режима: в то время, когда внимание русских в первую очередь будет отвлечено расчетом со своими собственными палачами, большинство нерусских народов СССР потребует выхода из советской федерации, которую им также гарантирует советская конституция. Это, вероятно, вызовет гражданскую войну, которая расколется страну на две равновеликих части – русских и нерусских. Если эту гражданскую войну выиграют русские и попытаются насильственно привязать к себе народы империи, эта победа будет недолгой. Тогда Россия станет последней на земле империей, объектом ненависти всех стремящихся к свободе народов. Что же касается самих русских, то их попытка насильственно сохранить имперский характер страны разрушит всякую надежду на внутреннее освобождение России: «Не может государство, существующее террором на половине своей территории, обеспечить свободу для другой»⁸.

По всем этим причинам Федотов выступает за освобождение России от груза империи. Это не будет означать конца России: «*Finis Russiae?* Конец России или новая страница ее истории? Разумеется, последнее. Россия не умрет, пока жив русский народ, пока он живет на своей земле, говорит своим языком. Великороссия, да еще с придачей Белоруссии (вероятно) и Сибири (еще надолго), все еще представляет огромное тело, с огромным населением, все еще самый крупный из европейских народов. Россия потеряет донецкий уголь, бакинскую нефть – но Франция, Германия и столько народов нефти не имели. [...] Даже чувство сожаления от утраты бывшего могущества будет смягчено тем, что никто из бывших соперников в старой Европе не займет ее места. Все старые Империи исчезнут. [...] Потеря Империи есть нравственное очищение, освобождение русской культуры от страшного бремени, искажающего ее духовный облик. Освобожденная от военных и полицейских забот, Россия может вернуться к своим внутренним проблемам – к построению выстраданной страшными муками свободной социальной демократии»⁹.

Удивляет та точность, с которой Федотов в 1947 г. предсказал будущий территориальный облик Российской Федерации, возникшей в 1991 г. И так, называя, например, Белоруссию частью постсоветской России, он это свое высказывание сопровождал словом «вероятно». И в другом пункте этот прогноз осуществился с буквальной точностью, а именно, когда он предсказал, что республики СССР при

⁷ Федотов Г.П. Новый Град. N.Y., 1952. С. 195-196.

⁸ Там же. С. 198.

⁹ Там же. С. 198-199.

выходе из советской федерации будут опираться на соответствующую статью советской конституции. Это произошло, несмотря на тот факт, что советскими конституциями (1924, 1936 и 1977 гг.) право выхода из СССР предоставлялось лишь на словах. Но в 1991 г. конституционная теория превратилась в конституционную практику.

Что же касается создания в постбольшевистской России свободного, социального и демократического общества, о чем говорилось в прогнозе Федотова, то публицист никоим образом не был столь наивен, чтобы полагать, что такое общество может возникнуть мгновенно: «После тридцатилетия коммунизма русский человек огрубел, очерствел... Вероятно, не одно поколение понадобится для его перевоспитания, т.е. для его возвращения в заглохшую традицию русской культуры, а через нее и русского христианства. К этой великой задаче должна уже сейчас, в изгнании, готовиться русская интеллигенция, вместо погони за призрачными орлами империи»¹⁰.

И еще один прогноз необходимо упомянуть в этой связи. Сформулировал его в 1974 г. известный польский публицист Юлиуш Мерошевски во влиятельном эмигрантском журнале *Культура*. Мерошевски пишет: Советский Союз является «запоздавшей нацией», архаичским образованием, оторвавшимся от главных процессов развития современности. Можно успешно бороться с США и с Китаем, но не с духом времени: «Борьба с духом времени обречена на провал. Отказ от необходимых реформ подтачивает устои мощнейших правительств и ведет их к катастрофе»¹¹. Здесь Мерошевским были названы важнейшие причины кризиса советской системы в эпоху брежневского «застоя». К этому надо добавить еще и утрату веры в «светлое коммунистическое будущее», которая тогда наблюдалась и в правящем слое, и в самом обществе. Почти все симулировали лишь веру в коммунистические идеалы.

Теория конвергенции и эрозия коммунистической идеократии

Эрозия коммунистических идеалов, наблюдавшаяся в эпоху Брежнева, с точки зрения многих западных наблюдателей не представляла реальной угрозы для стабильности режима. Напротив, многие полагали, что под давлением модернизации коммунизм станет прагматическим и технократическим и, тем самым, в большей мере будет похож на современные индустриальные общества Запада. Так родилась теория конвергенции. Ее сторонники, однако, упускали из виду, что коммунистические режимы были идеократиями, сердцевиной которых являлась изоцированная идеологическая система, которую надо было все время приспособлять к новым требованиям времени. Поэтому каждый новый руководитель

¹⁰ Там же. С. 199.

¹¹ Mieroszewski J. Materiały do refleksji i zadumy. Paris, 1976. P. 172-173.

партии должен был проявить себя не только как технический руководитель, но и как теоретик, интерпретатор в последней инстанции трудов классиков марксизма-ленинизма.

Брежневское руководство также не осталось бездейственным в области интерпретации марксизма-ленинизма и разработало теорию «развитого социалистического общества». В преамбуле к Конституции СССР 1977 года записано: «В СССР построено развитое социалистическое общество... Это – общество, в котором ... постоянно растет благосостояние народа, складываются все более благоприятные условия для всестороннего развития личности. Это – общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равноправия всех наций и народностей ... сложилась новая историческая общность людей – советский народ. ... Это – общество подлинной демократии... Развитое социалистическое общество – закономерный этап на пути к коммунизму».

В брежневской конституции на почетном месте, в статье 6, была закреплена ведущая роль КПСС: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая Партия Советского Союза».

В сталинской конституции 1936 года об этой роли речь шла в статье 126, причем в связи с правом советских граждан принимать участие в деятельности общественных организаций. В конце этой статьи было записано, что самые активные и целеустремленные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзной Коммунистической Партии, которая представляет собой ведущее ядро всех организаций трудящихся.

Но несмотря на то, что брежневский режим конституционно закрепил руководящую роль КПСС в гораздо большей степени, чем его предшественники, стабильность этого режима была обманчивой. Экономически и технологически Советский Союз начал все больше отставать от Запада. Сверхцентрализованные структуры системы планового хозяйства СССР усилили бюрократическую косность режима, стремление к инновациям было практически задушено. Все эти обстоятельства привели к резкому замедлению экономического роста. В 1966 – 1970 годах средний годовой рост национального дохода составлял 7,7%, а в 1979 – 1982 годах – только 3,1%¹². Границы так называемого «экстенсивного роста», то есть экономического развития без повышения производительности труда и капитала, были уже достигнуты.

Для сохранения конкурентоспособности в отношениях между Востоком и Западом советская экономика должна была перейти к «интенсивному росту». Однако существовавшая система была не способна совершить такой качественный скачок. У нее оставалось все меньше средств, чтобы мобилизовать население на повышение производительности труда во имя коммунистических идеалов, так

¹² См. Hildermeier M. *Geschichte der Sowjetunion 1917-1991*. München, 1998. P. 886.

как в период застоя (как позже назвали правление Брежнева) практически никто не воспринимал серьезно коммунистические ценности – ни правители, ни управляемые. Радикальное изменение системы казалось неизбежным, но правящая бюрократия испытывала перед ним панический страх. Ни одно предыдущее правительство Москвы не олицетворяло принцип сохранения status quo в таком объеме, как брежневское. Таким образом, Советский Союз в век электроники и транснациональных коммуникаций превратился в живой анахронизм – в бюрократический «рай», базирующийся на регламентировании и опеке.

Символическим показателем страха партийной олигархии перед принципиальными изменениями брежневской системы было то обстоятельство, что в первой половине 80-х годов во главе сверхдержавы по очереди находились трое престарелых Генеральных секретарей, которые больше боролись со своими болезнями, чем управляли государством. И только с третьей попытки Политбюро решилось на смену поколений. Генеральным секретарем был избран самый молодой член Политбюро – Михаил Горбачев.

Ленин как вдохновитель «ранней» перестройки

Горбачев, также, как и его предшественники, пытался приспособить господствующую в стране доктрину к требованиям современности. При этом он часто ссылался на Ленина: «Обращение к Ленину ... сыграло большую стимулирующую роль в поисках объяснений и ответов на возникшие вопросы», – писал он, например, в 1987 году в своей книге *Перестройка и новое мышление*¹³.

К самым решительным сторонникам перестройки принадлежали те политики и публицисты, которые в свое время активно участвовали в процессе реформ, провозглашенном на XX съезде КПСС, и во время брежневской реставрации потеряли свои посты и влияние. Некогда лишенная власти группа – «шестидесятники» – теперь получила новый шанс. Их идеологические и политические представления определяли курс перестройки в первые ее годы. Легкость, с которой после свержения Хрущева правящей бюрократии удалось повернуть вспять процесс перемен и отвоевать утраченные позиции, нанесла «людям XX съезда» настоящую травму. Они увидели в этом отсроченную месть Сталина и объяснили победу партийной бюрократии прежде всего тем, что Хрущев не отважился полностью разрушить структуры, возникшие в 30-е годы – так называемую «сталинскую командную систему».

«Шестидесятники» тосковали по ленинским временам, по первым годам большевизма, когда партия еще не была послушным органом в руках деспотического руководства, а представляла собой сообщество единомышленников, открытое для полемики и дискуссий. Для «людей XX съезда» Ленин, главным образом в

¹³ Московские новости. 1 ноября 1987. С. 8.

его последние годы (после введения нэпа в 1921 году), символизировал внутрипартийную демократию, борьбу против бюрократизма – все то, что было отвергнуто позднее аппаратом, упрочившимся при Сталине. Освобождение общества от удушающих объятий бюрократии рассматривалось реформаторами в качестве важнейшей задачи перестройки.

«Антиленинские идеи широко начали распространяться в нашей партии и стране»

Постепенно становилось, однако, ясно, что плюрализм и открытое общество несовместимы с ленинскими принципами, поскольку сущностью ленинизма было пренебрежение элементарными демократическими нормами. Возвращение к Ленину едва ли можно было связать с долгожданной свободой. Эйфория, связанная с именем Ленина, в публицистике времен перестройки постепенно сходила на нет. Все чаще созданная Лениным в ходе гражданской войны в России система военного коммунизма воспринималась как предтеча сталинской командной системы. Экономист В. Селюнин писал, например, в мае 1988 года: «Факты неопровержимо доказывают, что ликвидация кулачества состоялась именно в годы "военного коммунизма", а не на рубеже 20-х – 30-х годов»¹⁴.

Такого рода высказывания чрезвычайно беспокоили консервативные силы в партии, реакция которых на разоблачение преступлений большевизма представляла собой смесь возмущения и паники: «Антиленинские идеи в последнее время широко стали распространяться в нашей партии и стране», – сетовал директор института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Г. Смирнов на заседании Идеологической комиссии ЦК от 26 января 1990 года. «Хождение получила так называемая "доктринальная концепция", согласно которой все бедствия, пережитые страной, [...] имеют общие причины – гипертрофию классово-борьбы и утопический характер социалистических устремлений Маркса и Ленина»¹⁵. А председатель Госкомитета СССР по телевидению и радиовещанию М. Ненашев на этом же заседании добавил: «[Мы] стоим сегодня в идейном противостоянии с противниками партии и социализма, по сути, у последней черты, где самый последний рубеж – Владимир Ильич Ленин». Поэтому он считал ту «удивительную идеологическую пассивность и беспомощность», с которой партия реагировала на критику ленинизма, крайне опасной¹⁶.

Защитники Ленина теперь постоянно вынуждены были оправдываться, тем более что нападки на Ленина становились все острее. Один из приверженцев перестройки, философ Анатолий Бутенко писал в *Правде* в феврале 1990 года: «[В

¹⁴ Селюнин В. Истоки // Новый мир. 1988. № 5. С. 162-189.

¹⁵ Советская Россия. 1 февраля 1990.

¹⁶ Там же.

большевистском наследии] нет того образца партии, который нам сегодня необходим... [Ведь] ленинская партия, партия нового типа, была и осталась инструментом борьбы за политическую власть, [...] других задач [она] не решала... У советских коммунистов никогда не было не только опыта демократического управления страной, но и практики конкурентной борьбы с другими партиями»¹⁷. Через месяц историк Юрий Афанасьев выступил против Ленина еще более беспощадно: «Если наш вождь и основатель действительно заложил основу чего-то, так это возведение в принцип государственной политики массового насилия и террора»¹⁸.

Примерно в то же время Горбачев, в конце концов, решил изменить первоначальную формулировку 6 статьи Конституции, которая закрепляла руководящую роль КПСС. Сначала это произошло на Пленуме ЦК в феврале 1990 года, а затем, уже окончательно, на III Съезде народных депутатов в марте 1990 года. Как утверждал Полозков, партийное руководство лишило партию ее важнейшего методологического инструмента и политически разоружило широкие массы коммунистов.

Делегитимизация КПСС

Когда Горбачев во время перестройки заявил: «Нам нужна широкая демократизация всей жизни общества», он вынес, в сущности, приговор большевизму. Демократические нормы, от которых большевики отказались в январе 1918 года, разогнав Учредительное собрание, неизбежно должны были подорвать основы коммунистической системы, запрограммированной на тотальный контроль.

Поистине граничит с чудом тот факт, что привыкшая к неограниченной власти партийная бюрократия поначалу допустила, пусть и сопротивляясь, ростки гражданского общества в стране. Монолитная коммунистическая система дала трещину, которая с течением времени становилась все шире. Обе структуры – утратившая всемогущество командная система и еще сравнительно слабые демократические организации – основывались на абсолютно разных легитимационных фундаментах и не могли сотрудничать друг с другом, так как, по сути, отрицали друг друга. Они нуждались в посреднике, коим и стал Горбачев, который обладал качествами как реформатора, так и аппаратчика. Одно время он служил мостом между двумя лагерями.

Так, созданная им система обнаруживала в первой фазе перестройки заметное сходство с моделью бонапартизма, как ее описывал Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Подъем Луи Бонапарта был также обусловлен

¹⁷ Правда. 28 февраля 1990.

¹⁸ Известия. 14 марта 1990.

его ролью посредника, когда он соединял две нейтрализующие друг друга силы – третье и четвертое (пролетариат) сословия.

Но каждое общество, которое еще не до конца утратило инстинкт самосохранения, стремится к тому, чтобы как можно скорее устранить двоевластие (а именно такое положение сложилось в ходе перестройки), так как легитимационная неразбериха делает невозможными не только действенные реформы, но и функционирование государственного механизма как такового. Таким образом, развитие событий в СССР неизбежно вело к конфронтации старого и нового. Позиция Горбачева утрачивала бонапартистские черты. Из третейского судьи он превратился в своего рода буфер между двумя конфликтующими сторонами. При этом демократы были в гораздо большей степени заинтересованы в наличии такого буфера, так как они чувствовали подавляющее превосходство своих противников. Русские демократы привыкли к роли «вечно побежденных».

Очевидные изменения в политической культуре страны не уменьшили пессимизма в лагере демократов. Особенно важным в этой связи было событие 12 июня 1991 года, ставшее решающей датой перестройки. В этот день Ельцин был избран 57% голосов Президентом России. Тем самым Россия впервые за всю свою историю получила демократически легитимированного лидера государства. Теперь демократы получили преимущество по отношению к партийным бюрократам, так как после отказа Горбачева от монополии партии на власть и истину, КПСС осуществляла свою власть лишь по инерции, без достаточной легитимации. И хотя в мире есть много диктатур, не имеющих достаточного легитимного основания, в случае коммунистического режима речь идет, однако, о диктатуре особого рода – об идеократии, которая не может существовать без идеологически обоснованных претензий на абсолютное господство.

Несмотря на все это, советские демократы продолжали считать партийный аппарат практически непобедимым противником. С завистью смотрели они на своих польских единомышленников, которым удалось создать такую мощную организацию, как «Солидарность». В конце марта 1991 года политолог Лилия Шевцова писала, что весь опыт восточноевропейских стран показал, что только массовое антитоталитарное движение может стать барьером на пути догматических сил.

Однако как раз из польского опыта следовало, что для решительного и жестко действующего партийного аппарата даже такая массовая организация не является серьезным препятствием. 13 декабря 1981 года польским военным хватило нескольких часов, чтобы разгромить «Солидарность», насчитывавшую 10 миллионов членов. Коммунисты, действуя по-ленински, лишь в редких случаях считались с «колеблющимися массами». Разгон Учредительного собрания с его не-большевистским большинством в январе 1918 года служит дополнительным тому примером. Московские путчисты 19 августа 1991 года хотели, по существу, повторить опыт 1918 года. Однако в их случае речь шла не об учениках Ленина или Сталина, а о воспитанниках Брежнева. Идеалом, к которому они стремились,

было не царство страха в ленинско-сталинском стиле, а «золотые» 70-е годы, то есть время, когда они могли спокойно наслаждаться своими привилегиями. Безоговорочное употребление массового террора по отношению к политическим противникам требует несокрушимой веры или в утопию (Ленин), или в самого себя (Сталин). И то и другое путчисты 19 августа 1991 года давно утратили.

Их слова также походили на фарс. Возвращение к старому коммунистическому жаргону после шести лет гласности было полнейшим анахронизмом. Историк Павел Милюков писал, что революции становятся неизбежными тогда, когда деятельность авторитарных правителей вызывает не страх, а насмешки и презрение. И такая революционная ситуация сложилась 19 августа 1991 года. Коммунисты производили почти такое же жалкое впечатление, как когда-то их демократические противники, отправленные ими в 1917 году «в мусорную корзину истории». И это несмотря на то, что они все еще контролировали практически все властные структуры в стране. Когда Ельцин призвал своих сограждан выступить против путчистов, у него не было практически никаких рычагов власти, на которые он мог бы опереться. Ему пришлось прибегнуть лишь к аргументам морального порядка. И тут оказалось, что сила, лишенная веры в свою правоту, не в состоянии противостоять безоружной, но уверенной в своей правоте идее. В указе № 59 от 20 августа 1991 года Ельцин назвал действия ГКЧП «государственным преступлением»¹⁹. Дрожащие руки формального главы ГКЧП Янаева во время пресс-конференции в первый день переворота служили подтверждением того, что путчисты не были уверены в правоте своего дела. В одной из своих работ Троцкий привел высказывание французского автора Анэ: «Временное правительство России было свергнуто еще до того, как оно это заметило». Нечто подобное произошло и с ГКЧП.

То обстоятельство, что Президент России обладал легитимностью – главным преимуществом над путчистами, которых он заклеил как узурпаторов, оказало ему неоценимую услугу. В конфликте между неуверенной в себе силой и моралью последняя оказалась безоговорочным победителем.

Эрозия «второй» русской демократии

Извлекла ли возникшая после неудавшегося коммунистического путча в августе 1991 г. «вторая» русская демократия какие-либо уроки из опыта ее февральской предшественницы или же из опыта веймарской демократии? И да, и нет. Защитники второй русской демократии постоянно помнили о коммунистической или же фашистской угрозе, которые привели к краху первой русской и первой немецкой демократии. КПСС была запрещена, кроме того, в демократическом дискур-

¹⁹ Пихоя Р. Советский Союз: История власти 1945-1991. М., 1998. С. 668-669.

се появилось понятие «веймарской России», т.е. постоянно проводились аналогии между постсоветской Россией и веймарской республикой, в первую очередь для того, чтобы предотвратить повторение немецкого опыта на русской территории. Но, к всеобщему удивлению, самой большой угрозой для проведенных в 1990-ые годы демократических преобразований оказались не левые и правые экстремисты, требующие социального и имперского реванша и отождествляющие ельцинскую систему с оккупационным режимом «мировой закулисы», а силовые структуры, являющиеся сердцевинной созданной после свержения КПСС системы. Это они восстановили, особенно после добровольной отставки Бориса Ельцина, «вертикаль власти», не нарушая даже при этом принятой в декабре 1993 г. конституции, которая предоставляла возглавляющему эту вертикаль президенту такие полномочия, о которых не могут и мечтать главы других демократических государств.

Сценарий плавного перехода постсоветской России от «открытого» к «полузакрытому» обществу радикально отличался от сценария крушения «первой» русской демократии и был возможен только потому, что демократические идеи, переживавшие в августе 1991 г. апогей своей популярности, в кратчайшее время были дискредитированы в глазах большинства общества. После августа пришел декабрь (роспуск Советского Союза), январь (шоковая терапия), октябрь (расстрел Белого Дома). Все эти процессы ассоциировались с понятием «демократия», которое для многих превратилось чуть ли не в бранное слово. Способствовал этой дискредитации, конечно, тот факт, что правящие демократические группировки недостаточно энергично боролись против повсеместной коррупции, прониканию мафиозных структур в административные и экономические сферы, против «криминальной революции», воспользовавшейся размыванием границ между дозволенным и недозволенным вследствие ослабления и разрыхления созданного коммунистами полицейского государства. Но, с другой стороны, нельзя забывать, что даже если бы победившие в августе 1991 г. демократы являлись олицетворением всех возможных добродетелей, выход огромной страны из того тупика, в который ввели ее в октябре 1917 г. большевики, ни в коем случае не был бы безболезненным.

О стабильности «управляемой демократии»

Вернемся к началу статьи. Что можно сказать о прочности «управляемой демократии», созданной в стране после постепенного распада созданной в августе 1991 г. системы? Хочу здесь ограничиться лишь одним прогнозом. Принадлежит он лидеру демократической оппозиции Борису Немцову, убитому 27-го февраля 2015 г. при до сих пор еще невыясненных обстоятельствах. В апреле 2014 г. в интервью для *Новой газеты*, которое можно рассматривать как политическое

завещание непримиримого критика «управляемой демократии», Немцов сказал следующее о последствиях присоединения Крыма к Российской Федерации: «Тактически Путин выиграл: ... его рейтинг вырос до небес, всеобщая истерика, эйфория даже. А стратегически он проиграл все»²⁰. Последствия этой ошибки будут самыми тяжелыми, продолжает Немцов. Для России это повлечет за собой потерю рынков в Европе и в Америке, экономические потрясения, безработицу и нарастающую экономическую отсталость. Надежду Кремля на то, что Китай скомпенсирует утрату западных рынков, Немцов считает полной иллюзией. Своим монопольным положением Китай воспользуется для того, чтобы максимально снизить цены на российские энергопоставки. Помимо этого, сильная зависимость от Китая представляет большую опасность для территориальной целостности России. Общеизвестны масштабные территориальные притязания Пекина на Сибирь и российский Дальний Восток.

Немцов был убежден, что Путин знает обо всех этих опасностях. Но тогда почему же он решился на столь опасную для России политику? Немцов дает следующий ответ на этот вопрос. Для Путина речь не идет о защите интересов русских в Крыму. Все заявления президента по этому поводу – чистое фарисейство. Путина интересует, в сущности, только одно, говорит Немцов – «Укрепит (ли это его) власть ... или нет?».

Тот факт, что несмотря на западные санкции и экономический спад Путин все еще пользуется чрезвычайной популярностью в стране, казалось бы, противоречит прогнозу лидера оппозиции, что Путин одержал лишь тактическую победу, «а стратегически проиграл все». Но так как кризис в отношениях «Восток-Запад», начавшийся вследствие присоединения Крыма к Российской Федерации, все еще далек от своего разрешения, на вопрос о достоверности или недостоверности прогноза Немцова пока все еще нельзя дать однозначный ответ.

²⁰ Немцов Б. Они не смогут заставить меня замолчать, просто не смогут // Новая газета. 28 февраля 2015.